

БОЖІА ПИВА

СЕ ІЗЫДЕ СЪМІ ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМНѢИ
НЕБРАНИ
ТЕ ИМЪ

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
ПЕСНАГО.

Троицкіи Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ЖИЗНЬ ПО ВѢРѢ, КАКЪ ЦѢЛЬ ВОСПИТАНІА.

(Къ вопросу о жизненности преподаванія въ школъ уроковъ вѣры и нравственности).

Отѣшилъ Каримъ своей бесѣдой Василю Ивановича... Но не забылъ онъ и мальчугана, Бачилеева сынишку. И его онъ приласкалъ и привѣтилъ и ему разсказалъ кое-что... И не сказка какая-нибудь, разумѣется, была предметомъ этого разсказа, а все тѣ-же правила шаріата, безъ котораго и шагу Каримъ не ступаетъ...

— Зачѣмъ, зачѣмъ такому хорошему мальчику обрѣзать уши? говоритъ Каримъ Бачилею, когда тотъ, шутя, обратился къ Кариму, чтобы онъ обрѣзалъ мальчугану уши... Иди-ка ко мнѣ, апай! на вотъ тебѣ сахарку дамъ! На-на, голубчикъ, на-на!

Ребенокъ не смѣло и вопросительно глядитъ на отца, велитъ, дескать, брать или нѣтъ.

— Иди, апай, иди,—отець ругать не станетъ,—продолжаетъ татаринъ.

Вотъ ребенокъ подходитъ...

— Скажи, апай, „бисмилла“ (во имя Бога): „сахаръ-ли, хлѣбъ-ли, воду-ли въ руки брать—всегда говори „бисмилла“, иначе въ тебя шайтанъ войдетъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ, и не наѣшься. Скажи, апай, „бисмилла“, упрашиваетъ онъ мальчугана. Но мальчикъ глядитъ внизъ и не хочетъ говорить.

Но Каримъ не смущается—онъ вѣрить въ успѣхъ своей вѣры...

— Ну ладно: пока еще маленькій, а побольше выростешъ, будешъ говорить и ты... И Каримъ при этихъ словахъ далъ мальчугану сахару и погладилъ его по головкѣ...

Вотъ, для примѣра, діалогъ, который наилучшимъ образомъ обрисовываетъ характеръ тѣхъ религіозныхъ воззрѣній, съ которыми еще съ дѣтства сживается самый захудалый торгашъ-магометанинъ, такъ напоминающій древнихъ русскихъ, теперь, увы, вымершихъ, сказателей духовныхъ легендъ и стиховъ, въ простой формѣ преподносившихъ нашимъ предкамъ добрыя правила нравственнаго благоповеденія. Здѣсь всюду проглядываетъ и любовная готовность къ исполненію предписаній шаріата и знакомство съ доводами, на которыхъ обосновываются эти предписанія, и готовность повѣдать—повѣдать все, кому досугъ слушать, въ заманчивой сказачной формѣ свое „святая святыхъ“, свое исповѣданіе... И если для насъ эти вѣщанія разныхъ Каримовъ пустяки, то для простыхъ русскихъ людей и особенно инородцевъ, мало повѣряющихъ свою жизнь богооткровеннымъ ученіемъ, это истины, которымъ охотно вѣрить неразвитый умъ. Вѣдь вѣрятъ же, въ самомъ дѣлѣ, престодушные старушки и дѣти, что солнце подни-

мается рычагами и пускается въ дневной ходъ рядовыми солдатами въ примурской области и что небо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ близко спускается къ землѣ, что бабы кладутъ на него свои ухваты... И что можетъ противопоставить православно-русскій человекъ этимъ росказнямъ, которыя то тамъ, то здѣсь преподносятся ему разными смутителями и развратителями народа, если его религіозныя истины не стануть достояніемъ не только ума, но и воли, если онъ, слыша ученіе вѣры и благочестія въ церкви и школѣ, совершенно забываетъ о нихъ дома?! Какъ то недавно намъ привелось слышать въ желѣзнодорожномъ вагонѣ немудрую бесѣду татарина съ русскимъ рабочимъ. Познакомившись, собесѣдники коснулись вопроса о бракѣ. И вотъ рабочій началъ слегка упрекать татарина, котораго онъ величалъ „княземъ“, за многоженство... Э-э, братъ, многоженство, началъ съ своей стороны „князь“,—ты думаешь плохо это? Ничуть. У насъ хоть и не одна жена, такъ за то мы на чужихъ то не смотримъ... А у васъ то что—знаю я. Только слова пустыя, что жена одна, а сами то, знаю, какъ живете. Да и что плохого-то, что у насъ женъ много—вонъ, знаешь, чай, Абраамъ (Авраамъ) Исаакъ, Давыдъ (Давидъ)—поскольку они женъ то имѣли... Исторію то читаль? Рабочій, можетъ быть и читавшій когда-нибудь священную исторію, очевидно ничего не могъ сообразить въ данный моментъ... Забылъ онъ, повидимому, и про ученіе Христа... Такъ и спасоваль предъ „княземъ“. Да и предъ одними-ли только „князьями“ пасуетъ онъ?... Вѣдь Россія переполнена всякими тлетворными вѣяннями, вѣдь православно-русскому человеку приходится сталкиваться и съ иновѣрами, и съ сек-

тантами, и съ раскольниками, и съ злонамѣренными развратителями народа, вѣдь ему и печатно и устно преподносится всевозможная духовная отравка и въ видѣ пустыхъ романчиковъ и романовъ, и въ видѣ разныхъ, многочисленныхъ теперь, новыхъ пѣсенниковъ и сонниковъ, и въ видѣ юмористическихъ, иногда до цинизма, рассказовъ, и въ видѣ явно тенденціозной дешевой литературы... Спрашивается, что-же можетъ онъ изнести изъ своего „святая святыхъ“ для изблечения неправовѣрующихъ, если религіозныя истины неясными штрихами вырисовываются въ его сознаниі... А какъ дѣйствительно недостаточно развита религіозная чуткость, какъ смутно духовное прозрѣніе нашихъ простыхъ поселянъ—объ этомъ можно судить, напримѣръ, по слѣдующимъ жизненно-правдивымъ, но печальнымъ фактамъ, о которыхъ пишетъ одинъ сельскій пастырь ¹⁾. „Идя недавно по улицѣ одной изъ большихъ деревень, сообщаетъ онъ, я встрѣтилъ знакомую дѣвочку Соню Н. Умное личико 9-лѣтняго ребенка дышало довольствомъ, черные глазенки искрились весельемъ; было сразу видно, что дѣвочка очень довольна собою и всѣмъ окружающимъ. Подбѣжавъ ко мнѣ, она, прикартавливая, повѣдала мнѣ свое счастье. Въ училищѣ, куда она только-что поступила, ей показывали картинки изъ Священной исторіи. Эти хорошія картины произвели такое впечатлѣніе на ребенка, что она съ большимъ трудомъ выпросила у зажиточнаго отца нѣсколько копеекъ и побѣжала въ лавку купить себѣ точно такія же картинки. Но такихъ въ мѣстной лавкѣ не оказалось.—„Купила самую

ха-а-рошую“, закончила дѣвочка свой рассказъ, бережно подавая мнѣ сложенную трубочкой бумагу. Развернувъ ее, я увидѣлъ обычное лубочное изданіе пресловутаго Никольскаго рынка. Толстый купецъ, намалеванный красками, обнимаетъ молоденькую дѣвушку. Подъ картиною написаны слова пошлой, до грубости циничной пѣсни“.

Бѣдная дѣвочка! Школа на первыхъ порахъ заронила въ твое юное сердце доброе сѣмя, а суровая мачеха жизнь тутъ-же топчетъ его своими безжалостными ногами. Бѣдная дѣвочка!.. Бѣдная деревня!

„Въ другой разъ, пріѣхавъ къ одному изъ небогатыхъ крестьянъ, общаетъ тотъ-же батюшка, я увидѣлъ сына его П., даровитаго парня лѣтъ 15, сидящимъ за книгою. Мальчикъ читалъ довольно бойко и правильно. Болью, однако, сжалось мое сердце при видѣ заглавія книги. Это былъ одинъ изъ многочисленныхъ литературныхъ отбросковъ—„Англійскій милордъ“. Между тѣмъ, отецъ, хлопая по плечу скромнаго мальчика съ понятною гордостью заявилъ мнѣ: „это ништо по книжкѣ чатае, онъ у меня нызустъ поль книги прудере“, и заставилъ мальчика читать. И послѣдній, начиная съ заглавія, бойко и громко началъ слово въ слово передавать безцвѣтный рассказъ безцвѣтнаго автора, только умные глаза печально молчали. По мѣрѣ его чтенія, все темнѣе и темнѣе становилось у меня на душѣ.“

Бѣдный подростокъ! Вотъ куда уходитъ твоя цѣльная, непочатая умственная сила!—„Ты-бы, милый, у меня взялъ книжекъ“, обратился я къ П.: „приходи въ воскресенье, я съ удовольствіемъ дамъ тебѣ, только читай“.—„Стѣснялся итти-то къ вамъ, батюшка, вѣдь, вы у насъ внови; не

¹⁾ Тульск. Епарх. Вѣд. 1905 г. № 10. Къ Свѣту!

привыкли еще къ вамъ“, возразилъ мальчикъ: „я себѣ уже куплю, вотъ поѣдемъ съ тяткой на ярмарку и денегъ съ-полтину набралъ. Хорошо имѣть свои книжки!“ закончилъ онъ весело“.

Да, пока мальчикъ юнъ—онъ въ беззаботномъ невѣденіи, онъ еще не услаждается развратомъ и разгуломъ.. Но какъ жаль если съ годами зрѣлыхъ лѣтъ исчезнетъ этотъ искренній порывъ къ знанію или, что еще хуже, если онъ разрѣшится поисками не добрыхъ жизненно-практическихъ началъ вѣры и нравственности, а простымъ увлеченіемъ современными модными вѣяніями, которыя такъ настойчиво силятся опустошить ряды истинныхъ сыновъ Православной Церкви..

Вотъ это-то обстоятельство вотъ эта-то духовная неразборчивость и налагаетъ на руководителей подросткаго поколѣнія обязательную и настойчивую задачу преподавать имъ истины вѣры и нравственности не съ цѣлью умноженія ихъ знанія, а съ тѣмъ, чтобы дѣти и въ послѣдующей жизни, по выходѣ изъ школы, сумѣли сохранить эти истины въ сердцѣ своемъ и сохранить не въ видѣ обрывковъ теоретическаго знанія, которое только съ трудомъ можетъ извлекаться изъ подъ спуда, но въ видѣ жизненнаго исповѣданія вѣры, неразрывно сплетеннаго съ личною жизнію каждаго хрістіанина... Конечно, это не должно исключать точнаго знанія учащимися священно и церковно-историческихъ назидательныхъ повѣствованій, изученіемъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ исчерпывается объемъ программы Закона Божія въ начальныхъ школахъ, но это знаніе должно быть лишь *фундаментомъ для созиданія зданія живой вѣры*. И это въ особенности нужно сказать о пре-

подаваніи Закона Божія въ инородческихъ школахъ и въ школахъ сосѣднихъ съ ними, гдѣ въ особенности желательно видѣть въ урокахъ Закона Божія своего рода „священнодѣйствіе“¹⁾, которое одно только поможетъ, при любви руководителей просвѣщенія къ дѣтямъ, сильнѣе и глубже запечатлѣть въ ученикахъ извѣстный священно-историческій разсказъ, а вмѣстѣ съ этимъ дать серьезное и глубокое направленіе дѣтской мысли, при которомъ только и можно, выражаясь словами А. С. Хомякова, дать православно-русскимъ людямъ то, чего пока еще недостаетъ многимъ и очень многимъ изъ нихъ: истинной любви къ добру, правдѣ и Россіи. И не нужно думать, что дѣти не способны къ живому воспріятію глубокихъ православно-хрістіанскихъ истинъ. Они часто бываютъ серьезнѣе, чѣмъ о нихъ думаютъ. Упомянутый нами А. С. Хомяковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ А. Н. Попову дѣлится своею радостью, которую онъ переживалъ, наблюдая за развитіемъ сознанія своихъ дѣтей и здѣсь-же онъ сообщаетъ слѣдующій небезынтересный фактъ „С..., которой, пишетъ А. С., минуло четыре года, на дняхъ при мнѣ, въ прошлое воскресенье, озадачила свою няню: „няня, что это въ церкви говорили: примите, ядите Тѣло Мое. Чье Тѣло? Няня отвѣчала, что Хрістово. С..., помолчавъ, сказала: „няня, какъ же это Тѣло Хрістово? Вѣдь Хрістосъ Богъ, а у Бога тѣла нѣтъ“... Говорятъ, прибавляетъ къ этому А. С., какъ можетъ быть, чтобы народъ интересовался отвлеченностями, а вотъ вопросъ четырехлѣтняго ребенка“... Если въ дѣт-

¹⁾ См. объ этомъ Нач. Обученіе, 1904 г., № 12 стр. 494.

ской головкѣ крошки могутъ копошиться такіе вопросы, если въ сознаниі четырехлѣтняго ребенка могутъ зарождаться такія мысли, то что сказать о болѣе взрослыхъ: какое разнообразіе духовныхъ запросовъ можетъ пробудиться въ нихъ, если имъ будетъ преподаваться живое слово назиданія, та правда жизни, которую воплощали въ себѣ великіе духовные богатыри? Да, умъ и сердце дѣтей всегда открыты для воспріятія святыхъ истинъ. Душа ихъ—всегда готовая почва для посѣва добрыхъ сѣмянъ. И да не оскудѣютъ-же они въ устахъ добрыхъ тружениковъ школъ, которые, при любви къ дѣлу воспитанія дѣтей, силою нравственнаго воздѣйствія всегда сумѣютъ дать „явное, сознательное и полное торжество православію—этому корню и началу истиннаго знанія“ 1). Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, залогъ успѣха такъ нужной въ наше время внутренней миссіи, въ этомъ сила и мощь православно-хрістіанской религіи, часто попираемой иновѣрами, суевѣрами и отщепенцами отъ православія.

И нужно замѣтить, что хроника православно-русскаго школьнаго дѣланія богата отрадными примѣрами глубоко-жизненнаго вліянія Закона Божія, исторіи Церкви и церковно-славянскаго языка на духовную природу дѣтей. И это должно сказать не только о православно-русскихъ дѣтяхъ, но и о сектантскихъ, такъ что на третьемъ миссіонерскомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Казани, жизненное преподаваніе истинъ православно-хрістіанской вѣры справедливо было признано однимъ изъ могущественныхъ средствъ къ смягченію враждебнаго отношенія старообрядцевъ и

сектантовъ къ Церкви 1). Имѣются и факты, являющіеся достаточнымъ основаніемъ для признанія этого. Напомнимъ нѣкоторые изъ нихъ. Въ Полянско-двухклассной церковно-приходской школѣ Пронскаго уѣзда, Рязанской губерніи, обучалось двое дѣтей одной старообрядческой семьи. Законоучитель о. П. Головинъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы убѣдить этихъ дѣтей въ истинности православія. Онъ успѣлъ расположить къ себѣ родителей этихъ учениковъ и остальныхъ членовъ семьи и простеръ вліяніе школы не только на двухъ ея питомцевъ старообрядцевъ, но и на всю семью. Когда распространился слухъ о переходѣ о. Головина въ другой приходъ, то вотъ какое письмо прислала ему старуха-раскольница: „Многоуважаемый батюшка! весьма жалко, что вы отъ насъ уходите; теперь дѣти наши должны лишиться своего любимого наставника. Непріятно уходить вамъ и для насъ—стариковъ, теперь некому намъ почитать житія святыхъ, побесѣдовать о Богѣ и о Церкви. Всегда вы съ охотою разрѣшали намъ вопросы, сообщали много полезныхъ знаній, которыхъ мы не могли получить въ церкви, какъ отчужденные отъ нея. Дай Богъ, чтобы вы на новомъ мѣстѣ пользовались такою же любовью и уваженіемъ, какъ въ нашихъ краяхъ!“

Въ 1897 году въ одномъ изъ селъ Казанской губерніи, жители котораго наполовину Карповскаго согласія, имѣлъ мѣсто слѣдующій фактъ изъ школьной жизни. Послѣ экзамена въ школѣ, въ присутствіи родителей учащихъся, происходила раздача наградъ,

1) Дѣянія третьяго всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда въ Казани. Изданіе В. М. Скворцова, стр. 12—13.

по окончаніи которой былъ совершенно благодарственный молебенъ.

Кончилось молебеніе и стали собираться уходить. Вдругъ произошло какое то движеніе между народомъ, толпившимся въ избѣ. Къ экзаменаторскому столу протискивался съдой старикъ лѣтъ шестидесяти. Подойдя къ столу, старикъ сдѣлалъ земной поклонъ законоучителю — о. Цивильскому и сказала: „батюшка! вижу, что добру ребятъ учишь, земно тебѣ кланяюсь и благодарю“... Поднялся старикъ и второй разъ поклонился въ ноги экзаменатору, говоря, что онъ видитъ теперь, что „школа добру учить“. Учительницамъ старикъ отвѣсилъ по глубокому поясному поклону и ихъ благодарилъ за ученіе добру и за наставленіе ребятъ уму—разуму.

По сообщенію одного изъ окружныхъ миссіонеровъ Донской епархіи, мальчикъ—сынъ раскольника, посѣщающій церковную школу, возражая своей матери на ея грубыя понятія о троеперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія, сказалъ: „нѣтъ, мама, это не „щепоть!“ Батюшка говорилъ намъ въ школѣ, что это та же Троица, что и въ нашемъ крестѣ“.

Наблюдатель церковно-приходскихъ школъ Романовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, точно также сообщалъ въ свое время, что однажды на экзаменѣ въ приходской Березниковской школѣ, въ присутствіи родителей уча-

щихся, одна раскольника была побѣждена ребенкомъ—ученикомъ, который доказалъ, что обряды и догматы—вещи разныя, что въ восьмомъ членѣ символа вѣры неумѣстно прибавленіе слова „истиннаго“ и объяснилъ правильность троеперстнаго сложенія для крестнаго знаменія. Раскольника нашлась только сказать: „насъ этому не учили“¹⁾.

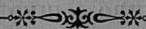
Подобные же факты благотворнаго вліянія доброй школы, заботящейся о жизненности преподаванія уроковъ вѣры и нравственности, нерѣдко отмѣчаются и въ исторіи обращенія къ православію инородцевъ. Такъ, напри- мѣръ, одинъ пастырь, говоря о значеніи школы для инородческихъ дѣтей, приводитъ на справку отрядный случай обращенія въ православіе одной языческой семьи, старшій членъ которой—отецъ еще до своего обращенія въ хрістіанство выучилъ со словъ своего одинадцатилѣтняго сына и постоянно читалъ дома молитвы „Отче нашъ“ и „Святому Духу“²⁾.

¹⁾ Эти и другіе факты изъ жизни церковныхъ школъ были напечатаны, между прочимъ, въ Нар. Образ. 1897, Май. Не мало ихъ встрѣчается и въ различныхъ періодическихъ органахъ печати и преимущественно въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

²⁾ Самарск. Епарх. Вѣд. 1905, № 6, 15 Марта. Очеркъ хрістіанскаго просвѣщенія чувашъ въ приходѣ села Ново-Якушкина, Бугурусланскаго уѣзда, стр. 218. Здѣсь же указываются и другіе факты вліянія православной школы на инородцевъ.

Д. Введенскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РУССКІЕ КЛАССИКИ, КАКЪ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ МАТЕРІАЛЪ ДЛѢ ШКОЛЬНАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Достойно замѣчанія и то обстоятельство, что дѣти народа, неотор-

ваанныя воспитаніемъ въ школѣ отъ родной деревенской дѣйствительности,

какъ питомцы нашихъ второклассныхъ и церковно-учительскихъ школъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ богатой сокровищницей родной литературы, прежде всего набрасываются на художественныя описанія смиренныхъ красотъ родной природы, т. е. на то, въ чемъ наиболѣе осязательно проявилась любовь нашихъ писателей къ родному, русскому (см. „Письменные работы—свящ. Н. Виноградсва въ „Народномъ Образованіи“). Оторванные въ большинствѣ случаевъ отъ народной среды, наши родные писатели имѣли съ народомъ одну общую точку соприкосновенія—любовь къ родинѣ, къ исконно-русскому укладу жизни, къ вѣчной правдѣ евангельской, хранящейся неизмѣнно въ нашей св. Православной Церкви и, между прочимъ, къ родной природѣ—смиренной и прекрасной въ своемъ убожествѣ—природѣ родныхъ равнинъ и степей...

Съ этого-то надобно и начинать, чтобы постепенно, шагъ за шагомъ, безъ всякихъ насильственныхъ толчковъ и искаженій, привести народъ къ пониманію лучшихъ, сокровеннѣйшихъ, благороднѣйшихъ думъ и чувствъ родныхъ писателей...

Руководясь такимъ взглядомъ, можно смѣло вступить въ „океанъ россійской словесности“, не боясь потерпѣть въ немъ крушеніе... Слѣдуетъ только оговориться: большинство произведеній нашей художественной литературы касаются преимущественно жизни верхняго, интеллигентнаго слоя общества, и для простонароднаго читателя не представляютъ почти никакого интереса. Даже и „народническая“ наша литература писана собственно для интеллигенціи, а не является свободнымъ выраженіемъ народомъ своего самосознанія, своихъ духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ

и особенностей. Поэтому рѣдкое словесное произведеніе большинства нашихъ писателей *цѣликомъ* пригодно для школьнаго и народнаго чтенія. Въ данномъ случаѣ требуется умѣлый выборъ изъ всей области литературы того немногаго, что имѣетъ общерусскій, національный и общечеловѣчскій интересъ. Такъ, изъ Пушкина, съ извѣстными предварительными поясненіями и подготовкой, не безъ пользы, могутъ быть прочитаны народу слѣдующія произведенія: „Скупой рыцарь“, „Борисъ Годуновъ“, „Полтава“, „Капитанская дочка“ (выбросивъ описанія дикихъ безчинствъ буйной толпы, что всегда возбуждаетъ въ читателяхъ низкіе, темные инстинкты), а также и многіе отрывки изъ „Евгенія Онѣгина“ и остальныхъ произведеній роднаго поэта, не говоря уже о множествѣ мелкихъ его стихотвореній, какъ „Великопостная молитва“, „Лицейская годовщина“ (поражаетъ трогательно-прекраснымъ чувствомъ дружбы, соединеннымъ съ тихою поэтическою грустью и кроткимъ сожалѣніемъ о невозвратно-минувшихъ дняхъ кипучей юности въ средѣ друзей-товарищей, изъ которыхъ „многихъ нѣтъ, а тѣ далече, какъ Дельвигъ нѣкогда сказалъ“), „Врагамъ Россіи“ („О чемъ шумите вы, народные вити!“...) и мн. др. Несомнѣнно—все это потребуетъ большихъ трудовъ и разъясненій, но вѣдь и всякое серьезное и многообѣщающее дѣло не сразу дается, но вырабатывается постепенно, путемъ практики и неизбѣжныхъ въ такихъ случаяхъ уклоненій и ошибокъ...

Лермонтовъ былъ преимущественно натурой протестующей. Полный сомнѣній и разочарованій, мрачный, неуживчивый, мятущійся, онъ производилъ впечатлѣніе вѣчно-ищущаго и

ничѣмъ не удовлетворяющагося духа. Несомнѣнно, это была сильная и недюжинная натура, склонная ко внезапнымъ душевнымъ поворотамъ и безповоротнымъ увлеченіямъ. Но все-таки Лермонтовъ былъ русскій въ душѣ, и живи онъ при другихъ условіяхъ, — мы имѣли бы въ его лицѣ самоотверженнѣйшаго трудника на родной великой нивѣ, беззавѣтно преданнаго дѣлу мирнаго просвѣщенія и гражданственнаго устроенія родины... Большинство произведеній Лермонтова, это — вопли сильной и богато одаренной души, тоскующей по утраченному задушевному идеалу, по завѣтной правдѣ евангельской, затемненной среди шумныхъ пировъ и угарныхъ развлеченій порочной юности...

Несомнѣнно — изъ произведеній Лермонтова для народнаго чтенія могутъ пригодиться лишь немногія, — а именно лишь чистыя, свѣтлыя страницы, служившія выраженіемъ чувства поэта въ минуты душевнаго просвѣтленія, когда поэтъ сердцемъ приближался къ евангельской истинѣ и къ правдѣ народной, на ней (правдѣ евангельской) взрожденной и взлелѣянной... Таковы, между прочимъ, стихотворенія: „Молитва“, „Вѣтка Палестины“, „Пророкъ“, „Ангель“, „Ребенку“, „Міра Заступница, Матерь всепѣтая, я предъ Тобою съ мольбой“ и мн. др. Изъ болѣе крупныхъ произведеній Лермонтова для народнаго чтенія можетъ пригодиться лишь „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“, рисующая картину старинной идеальной русской семьи, и нѣкоторыя отрывки изъ „Героя нашего времени“, въ особенности — дивныя описанія Кавказской природы, превосходящія по своей художественной красотѣ и законченности все, что появилось и появляется въ нашей литературѣ въ этомъ родѣ...

Внимательное изученіе произведеній Лермонтова, кромѣ того, приводитъ безпристрастнаго читателя къ полному хрістіанскому смиренію и снисхожденію. Оно съ поразительною наглядностію доказываетъ, какъ часто, подъ наружною корою испорченности и даже порочности, скрывается чистое, нѣжное сердце, таящее въ себѣ неистощимый запасъ величайшихъ чувствъ и благороднѣйшихъ стремленій... Какъ-то даже не вѣрится, что тотъ-же Лермонтовъ, о жизни коего ходятъ въ извѣстной части общества такіе преувеличенно-осуждающіе толки, могъ написать, на примѣръ, свою „Молитву“, „Ангела“, „Пророка“ и др. произведенія, поражающія силою и чистотою хрістіанскаго чувства, сверкающія дивнымъ свѣтомъ одушевленія и молитвеннаго восторга... „Не осуждай!“ — учить насъ многострадальный поэтъ своею недолгою жизнью и геніальными произведеніями, въ коихъ на каждомъ шагу звучитъ та — дивная музыка сердца, то чистое и святое дуновение вдохновенной грусти, чѣмъ такъ богата и прекрасна русская душа. — „Не осуждай: не будешь осужденъ!“...

Немного матеріала даютъ и многіе другіе наши писатели, какъ Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, Гончаровъ, Аксаковъ и др. Исключеніе составляютъ лишь такіе, въ истинномъ смыслѣ народные писатели, какъ дѣдушка Крыловъ, Кольцовъ, Никитинъ, отчасти Некрасовъ, а также Хомяковъ, Тютчевъ, А. Толстой, изъ которыхъ народу можно читать все или почти все.

Особенно понятенъ и любъ народу незабвенный дѣдушка всѣхъ русскихъ дѣтишекъ — Крыловъ, — „И заимствованныя, и оригинальныя басни Крылова, — пишетъ одинъ изъ почтенныхъ дѣятелей по народному образованію,

Ф. А. Веревскій,—отличаются высокими поэтическими достоинствами: онѣ художественны и народны. Художественность ихъ заключается въ живомъ развитіи дѣйствія, въ строгой соразмѣрности въ частяхъ, въ полномъ слитіи идеи съ образомъ и въ яркомъ изображеніи животныхъ сообразно съ ихъ природными качествами и *народными* ¹⁾ воззрѣніями на нихъ. Народны онѣ потому, что въ нихъ мы видимъ *русскую жизнь, русскаго человека* съ его отличительными чертами характера; даже мораль ихъ напоминаетъ собою мораль нашихъ пословицъ: она основана единственно на знаніи и опытахъ жизни. Господствующій тонъ его басенъ, это—иронія, въ которой сквозь незнаніе свѣтится вѣрное пониманіе дѣла. Эта иронія въ народномъ духѣ; она составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ русскаго человѣка. Особеннаго вниманія заслуживаетъ слогъ и языкъ басенъ. Слогъ отличается живостью, сжатостью, картинностью и музыкальностью. Бойкая разговорная рѣчь пересыпана множествомъ пословицъ и поговорокъ, изъ которыхъ многія взяты Крыловымъ у народа, а многія перешли отъ него въ народъ. Наилучшее опредѣленіе достоинствъ языка и слога Крылова далъ Гоголь въ статьѣ: „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?“ — „Ни одинъ изъ поэтовъ,—говоритъ—Гоголь,— не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ *ощутительною* и выражаться такъ *доступно* *всѣмъ*, какъ Крыловъ. У него живописно все, начиная отъ изображенія природы до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихся живьемъ душевныя свойства. Стихъ его звучитъ тамъ, гдѣ пред-

метъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнеть мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака“.—Чѣмъ же объяснить такія высокія достоинства языка и слога Крылова? Крыловъ *духовно сжился* съ языкомъ Русскаго народа; въ немъ въ сильной степени развито было чувство *народности*, которое выражается въ сочувствіи къ народной гѣснѣ, пословицѣ, къ простой народной рѣчи, во вниманіи и уваженіи къ быту и обычаямъ народа, *къ старинѣ*, вообще, *въ любви ко всему русскому*“... ¹⁾ Эту прекрасную характеристику литературнаго наслѣдія дѣдушки Крылова я привожу цѣликомъ, потому что думаю, что литературное развитіе народа, воспитаніе въ немъ эстетическаго чувства и образованіе литературнаго вкуса удобнѣе всего можетъ быть начато именно съ басенъ Крылова, какъ наиболѣе *народныхъ* по формѣ и содержанию и наиболѣе доступныхъ его пониманію. Къ баснямъ дѣдушки Крылова нашъ народъ не можетъ не отнестись съ любовью и уваженіемъ: онѣ являются прекраснымъ выраженіемъ его же вѣковой мудрости и здравомыслія, и—насколько я могу судить по собственному опыту—выслушиваются всегда съ живѣйшимъ интересомъ и вниманіемъ, въ особенности при мастерскомъ, художественномъ чтеніи, что, къ сожалѣнію, встрѣчается довольно рѣдко...

Н. В. Гоголь со своимъ „смѣхомъ сквозь слезы“ мало понятенъ народу. Исключеніе составляетъ лишь такая высоко-художественная и патріотическая вещь, какъ Тарасъ Бульба. При умѣломъ чтеніи эта повѣсть произво-

¹⁾ Курсивъ автора.

¹⁾ „Очеркъ литературной дѣятельности И. А. Крылова“, Ф. А. Веревскаго, стр. 10—12.

дить прямо ошеломляющее и потрясающее впечатлѣніе. И это понятно: вѣдь тамъ яркими и сочными красками рисуется величаяя вѣковая борьба русской народности и православія со своими врагами,—а развѣ это—не самый жизненный нервъ въ душѣ каждаго великаго народа?

Изъ Тургенева, слогъ котораго отличается чисто-Пушкинской красотой и изяществомъ, для нашихъ школъ (не ниже, однако, двухклассныхъ) полезно имѣть „Записки Охотника“ и сборникъ отрывковъ изъ крупныхъ его произведеній, особенно тѣхъ, въ которыхъ описываются красоты родной природы или рисуются добрые русскіе люди, какъ тетушки Лизы въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, или родители Базарова въ романѣ „Отцы и дѣти“.

Достоевскій можетъ дать больше матеріала для школьнаго и народнаго чтенія. Полезно напомнить при семъ сужденіе о немъ нашего покойнаго педагога А. С. Рачинскаго, выраженное въ письмѣ къ одному изъ своихъ бывшихъ питомцевъ, Г. А. Толстому.—„Чтеніемъ романовъ не слѣдуетъ злоупотреблять. Это не здоровая пища, а въ большей или меньшей мѣрѣ—*лакомство*... 1) Достоевскій былъ великій талантъ и человѣкъ истинно-хорошій, но человѣкъ *больной*, и жизнь, изображаемая въ его произведеніяхъ, не есть дѣйствительная жизнь, а лишь самая *мрачная* и загадочная сторона ея. Замѣчаешь ли ты, что всѣ лица, выведенныя въ его романахъ, полу-сумасшедшія. Такіе люди дѣйствительно существуютъ, и Достоевскій изображаетъ ихъ въ совер-

1) Вполнѣ соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ великаго педагога, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что разумное чтеніе лучшихъ отрывковъ изъ родныхъ писателей можетъ быть и *серьезнымъ* занятіемъ. Авторъ.

шенствѣ. Но скопленіе такихъ странныхъ, болѣзненныхъ личностей не составляетъ истинной картины современнаго русскаго общества. Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ ты встрѣтишь *личности иного рода, чистыя и свѣтлыя* (Старецъ, Алеша), но рядомъ съ ними такое море нравственной грязи, какого въ дѣйствительности не существуетъ“..

Прямой выводъ изъ этой глубокой по мысли характеристики тотъ, что произведенія нашихъ классическихъ писателей надо читать съ разборомъ, выбирая изъ нихъ лишь все лучшее, свѣтлое, хорошее, все, что будитъ чистую мысль и питаетъ возвышенное чувство. Соблюдая это непремѣнное условіе разумнаго чтенія родныхъ писателей, мы сумѣемъ передать народу и горячую любовь Достоевскаго къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“, и его умѣніе найти искру Божію даже въ падшемъ человѣкѣ, и многое другое, что сіяетъ немеркнущимъ свѣтомъ правды и властно зоветъ на службу Богу и Церкви Божіей...

„Будьте совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“,—сказалъ Господь Иисусъ Христосъ. Этотъ божественный призывъ написанъ на вѣки неизгладимыми письменами въ душѣ и сердцѣ христіанина, и властно зоветъ его тоскующую душу къ вершинамъ правды Божіей, къ жизни чистой, какъ солнце, полной сердечной любви, смиренія, жалости ко всему живому и самопожертвованія... Будемъ же прислушиваться сердцемъ ко всему, что зоветъ насъ отъ обыденщины, отъ болота жизни, отъ пошлости и прозы сѣренькихъ будней къ высотамъ идеала, къ Богу и Его волѣ святой... Крестными муками Бога Страдальца намъ открыть доступъ къ высочайшимъ тайнамъ духовной жизни,

къ таинственнѣйшимъ озареніямъ души и сердца лучами силы Божіей...

И поскольку наши родные писатели служили этой великой, вѣчной цѣли, постольку же и цѣнны для насъ ихъ, сердцемъ взлелѣянные, въ глубинѣ души выношенные, и выстраданные, произведенія.—Вѣдь все лучшее, все чистое и возвышенное, что оживотворяетъ и освѣщаетъ лучшія словесныя произведенія родной литературы, имѣетъ своимъ началомъ Христа и Евангеліе. Будемъ же молить Господа, чтобы и на-дальше русская литература,

въ своихъ лучшихъ представителяхъ, сохранила свое жизненное и православно-хрістіанское направленіе. Да это такъ и должно быть, ибо истина—вѣчная, безповоротная, окончательная истина—только въ Христѣ и въ Церкви Божіей.. А наши лучшіе родные писатели всегда служили истинѣ и искали ее въ Церкви и въ словѣ Божіемъ... Оттого-то многія страницы ихъ произведеній такъ волнуютъ душу, такъ трогаютъ русское сердце...

С. Козубовскій.

КУРСКІЕ КОЖЫ ¹⁾.

Когда израненаго, страдающаго Христа вели на казнь, а женщины Иерусалимскія шли сзади Него и плакали, Онъ, обратившись къ нимъ, сказалъ: „Дщери Иерусалимскія! не плачьте обо Мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ“...

Эти слова можетъ сказать въ настоящее время и увѣнчанная терновымъ вѣнцомъ войны и внутренней смуты великая Родина наша тѣмъ своимъ дѣтямъ, которыя, сокрушаясь и скорбя о ея государственномъ неурядиствѣ, совсѣмъ забываютъ плакать о себѣ самихъ... А слезы нужны!

Не такъ давно (16-го февраля) въ Курскѣ состоялось совѣщаніе родителей и педагоговъ для совмѣстнаго обсужденія положенія, созданнаго нарушеніемъ нормальнаго хода занятій во всѣхъ мѣстныхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ—мужскихъ и женскихъ. Собралось свыше 300 человекъ родителей. И какъ вы думаете, что оста-

новило особенное вниманіе родителей и воспитателей на этомъ засѣданіи? Какіе вопросы? Какія мѣры?

„Самые продолжительные дебаты („Русское слово“, 21 февр.) вызвалъ вопросъ о предоставленіи воспитанникамъ права собираться въ гимназическомъ залѣ для обсужденія своихъ нуждъ“.

Это одна мѣра—и не только для водворенія порядка въ Курскихъ училищахъ, а и для спасенія Россіи, какъ то можно было понять изъ рѣчей ораторовъ.

Другой вопросъ, по поводу котораго возникли также горячія пренія, былъ объ отмѣнѣ обязательнаго посѣщенія церкви. Одинъ изъ ораторовъ, „съ большимъ жаромъ и искренностью возставая противъ принужденія въ области религіознаго воспитанія, между прочимъ, говорилъ:

— „По моему глубокому убѣжденію, насильственные мѣры въ этой области приводятъ лишь къ одному послѣдствію: онѣ воспитываютъ намъ или показное лицемеріе, или ожесточенное злобное безвѣріе“.

¹⁾ Съ именемъ Комба во франціи связано воспоминаніе о министерствѣ, задавшемся цѣлью вмѣстѣ съ католичествомъ изгнать и хрістіанство.

„Въ концѣ-концовъ, принудительное хожденіе въ церковь признано подлежащимъ отмѣнѣ, равно какъ и общая казенная молитва передъ уроками, длившаяся отъ 20-ти до 30-ти минутъ“.

Происшедшее въ Курскѣ до того ново, до того дико для слуха православной Россіи, что сначала нѣкоторыя газеты не вѣрили Курскому событію.

„Свѣтъ“ писалъ:

„Что это такое? Массовое упомоѣшательство? Или по образцу Франціи изгнаніе Бога изъ школы?.. Да неужели же все это правда? Не хотимъ вѣрить, чтобы общество цѣлаго города сошло съ ума и ждемъ нетерпѣливо авторитетнаго оффиціального опроверженія неправдоподобнаго по своей преступности слуха!“ (№ 52).

Но „все это“ оказалось правдой.

Итакъ, тамъ, гдѣ, предъ иконою Знамения Богоматери, произошло величайшее чудо милости Божіей къ Русской землѣ, тамъ, гдѣ родина великаго нашего Серафима, — оттуда же Господу угодно было поразить многострадальную Россію новымъ ударомъ — полоумною, въ духѣ Комба, выходкой нашихъ обезумѣвшихъ интеллигентовъ. Впечатлѣніе отъ всего этого подходитъ на то, какъ если бы среди торжественнаго, благоговѣнно совершаемаго Богослуженія, въ переполненномъ молчаливо-стоящимъ и усердно молящимся народомъ храмъ вдругъ раздался пронзительный свистъ.

Это *первый* такой свистъ на святой Руси, и за это вѣчный стыдъ и позоръ Курскимъ родителямъ и педагогамъ!

Да знаютъ ли они, что дѣлаютъ? Понимаютъ ли, какой тяжелой гирей ответственности ляжетъ этотъ поступокъ на ихъ бѣдныя головы? Вѣдь

онъ подобенъ поступку сыновей, выталкивающихъ изъ дому родную мать за то, что она среди нихъ же не пользуется почтеніемъ. Выгнать молитву изъ русской школы — да что же это, наконецъ, такое?

„Насильственные мѣры“... Но неужели же *все* ваши дѣти такъ-таки и не желаютъ молиться? Или, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ? А разъ это не такъ, — конечно не такъ! — то почему же вы не хотите придти на помощь еще не окрѣпшей дѣтской волѣ? Вѣдь взрослые люди и то не всегда справляются съ лѣнью, а у дѣтей лѣнь — одинъ изъ главныхъ пороковъ. Вѣдь свобода дѣтей находится еще въ зачаточномъ состояніи. Если мы, большіе, не можемъ управиться съ нею до гробовой доски, то какъ же требуемъ отъ дѣтей, чтобы они, слабые и беспомощныя, въ дѣлѣ воспитанія въ себѣ добрыхъ навыковъ руководствовались исключительно лишь ею одной? Тогда, если быть послѣдовательными, надо ужъ и посѣщеніе классовъ сдѣлать необязательнымъ. Свобода, такъ ужъ вездѣ свобода! Только что изъ этого выйдетъ? Согласятся ли на это курскіе родители?

„Принудительное хожденіе“... Не знаешь, чему больше удивляться: полному ли духовному одичанію означенныхъ родителей, ихъ умственному и нравственному убожеству, или же тому, что изъ числа ихъ особенно горячо высказывался противъ принужденія къ молитвѣ дѣтей присутствовавшій на засѣданіи православный священникъ? Но неужели и онъ, пастырь Божій, не знаетъ того, что Царство Небесное нудится, какъ сказано въ Евангеліи, и что *не* принуждали себя къ молитвѣ только великіе подвижники, и то лишь на послѣдней ступени своего восхожденія къ Богу. Неужели въ

Курскѣ неизвѣстна поговорка *глубоко вѣрующаго*,—это признано всѣмъ свѣтомъ, даже уже Японцами,—Русскаго народа, которая гласитъ, что „всего труднѣе на свѣтѣ—отца съ матерью кормить да Богу молиться“?

И къ чему тутъ такія страшныя слова:—„принужденіе“, „насильственный мѣры“ и т. п.?

„Насильственнымъ“ посѣщеніе храма можетъ быть только для тѣхъ юношей, въ душѣ которыхъ, какъ въ душѣ Юліана, съ раннихъ уже лѣтъ складывается ожесточенный протестъ противъ религіи; но во-1-хъ, такихъ юношей бываетъ пять человѣкъ изъ сотни, во-2-хъ, и имъ, несчастнымъ, посѣщеніе храма приноситъ несомнѣнную пользу, ослабляя дѣйствіе темной силы.

„Насильственнымъ“ посѣщеніе православнаго храма можетъ быть для дѣтей магометанъ и язычниковъ, а не для дѣтей хрістіанъ, большинство которыхъ и въ Курскѣ,—увѣренно говоримъ это,—ничего не имѣетъ противъ вожденія дѣтей въ храмъ; подало же голосъ противъ молитвы, сбитое съ толку 10—15-ю ораторами. Само собою понятно, что отъ этого вина ихъ не отходитъ отъ нихъ, и за то, что они даже въ праздникъ не желаютъ поставить своихъ дѣтей предъ Свѣтлѣйшимъ Лицомъ Царя Славы, за то самое они дадутъ тяжкій отвѣтъ, когда сами станутъ передъ Царемъ Славы на Страшномъ Судѣ;—паче же всего отвѣтять они, конечно, за соблазнъ, за то, что свою духовную наготу выносятъ на показъ всей огромной вѣрующей Россіи, за то, что публично, на весь свѣтъ, срамятъ ее своимъ поведеніемъ, за то, что какъ австралійскіе дикари не вѣрятъ въ молитву, безъ которой разумному существу жить нельзя, которая есть—свѣтъ и воздухъ

души и которая еще никогда и никому не приносила вреда.

Уничтожать передъ школьными занятіями молитву, значить—подрывать всякій успѣхъ въ этихъ занятіяхъ. Школьныя занятія не могутъ существовать безъ молитвы: это не работа въ слесарныхъ мастерскихъ, гдѣ все зависитъ отъ одного искусства и умѣнья мастера. Въ школьныхъ занятіяхъ требуется и еще нѣчто.

— Отчего это происходитъ,—обратились однажды къ геесиманскому подвижнику Александру пришедшіе къ нему учителя нѣкоторыхъ средне-учебныхъ заведеній: мы иногда, идя въ классъ, и готовимся къ урокамъ, и прочитываемъ программы, и учебники проглядываемъ, а придя въ классъ, видимъ, что все у насъ какъ бы изъ рукъ валится: нервничаемъ, раздражаемся, и ученики какіе-то лѣнивые, непонятливые... Отчего это?..

— Вотъ вы прочитываете программы, готовитесь къ урокамъ, а... молитесь ли вы Богу-то, идя въ ваши классы?—сказалъ имъ подвижникъ.

„Молитесь ли?“ да!..

Всѣ, кто стоятъ у дѣла воспитанія и обученія, отлично понимаютъ это слово. Многіе учителя предъ всѣмъ міромъ засвидѣтельствуютъ, что если они учительствуютъ десятки лѣтъ, то исключительно лишь благодаря небесной помощи, получаемой по молитвѣ.

О молитвѣ, какъ необходимомъ элементѣ воспитанія и обученія, твердо и усиленно говорятъ всѣ великіе педагоги міра, а особенно великій Коменскій и Келльнеръ, а наше полу-грамотное Панургово стадо отмѣняетъ молитву, боится, какъ бы молитва не принесла вреда его дѣткамъ.

И вотъ такіе-то папаши мѣтятъ въ выборные представители, чтобы говорить тамъ, наверху, передъ Царемъ,

за весь вѣрующій, огромный, стомилліонный народъ.

Господи! что они натворятъ тамъ! Что скажутъ эти мертвыя, бездушныя говорильныя машины за живую душу простого Русскаго народа? Какъ они будутъ представлять тамъ Русскій народъ, когда они не понимаютъ русскаго сердца, не придають, очевидно, никакого значенія тому, чѣмъ только и жива Русь!

Они не сумѣли занять мѣста въ своей семьѣ, не справятся со своими собственными дѣтьми, передъ которыми давно потеряли всякое уваженіе и авторитетъ (свидѣтель—зеркало русской литературы, Чеховъ и др., а также школьныя забастовки), а стремятся занять мѣсто у государственнаго кормила. Они выпустили изъ рукъ, потеряли одну власть—родительскую,—а стремятся захватить другую, еще болѣе отвѣтственную и высокую.

Ничего они не сдѣлаютъ тамъ, наверху! Они могутъ сдѣлать съ Россіей только то, что сдѣлала съ Польшей шляхта.

Да, это единственное, что они могутъ сдѣлать! И отъ этого леденѣетъ кровь! Но спаси, Господи, Русскій народъ, который, хотя и „ослабъ“, но еще вѣренъ Тебѣ, еще простъ и незлобивъ сердцемъ, еще призываетъ имя Твое!

Николай Ник.

Въ предлагаемой замѣткѣ авторъ ея изъ тишины сельскаго уединенія вполне справедливо негодуетъ на возмутительный и оскорбительный для православно-христіанскаго чувства походъ противъ воспитывающаго обученія въ школь. Но, къ сожалѣнію, и не въ одномъ Курскѣ начато гоненіе противъ христіанскаго воспитанія дѣтей. Тамъ и здѣсь по городамъ со-

ставляются просьбы, ходатайства и приговоры объ изгнаніи изъ школы Закона Божія и вообще уроковъ вѣры и нравственности и всего духа церковности. И еще не такъ давно въ Екатеринославѣ дѣло дошло, напри- мѣръ, до того, что совѣщаніе педагоговъ и родителей, принадлежащихъ въ большинствѣ къ мѣстному разбогатѣвшему еврейству, потребовало, чтобы въ русскихъ школахъ былъ измененъ весь режимъ, чтобы дѣтямъ-евреямъ преподавались еврейскіе догматы и исторія, чтобы учебныя заведенія праздновали еврейскіе праздники, а не христіанскіе (!) Интеллигенты изъ не евреевъ ихъ поддерживали. Далѣе, на этомъ же собраніи было предложено изъять изъ числа обязательныхъ предметовъ среднихъ учебныхъ заведеній преподаваніе Закона Божьяго,—разыгрался комическій эпизодъ. Одна изъ присутствовавшихъ дамъ воскликнула:

— Побойтесь Бога, безбожники вы этакіе!

Этотъ протестъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынь, и параграфъ 2 былъ утвержденъ въ такой редакціи: „Религіозное воспитаніе должно быть предоставлено исключительно родителямъ“.

„Далѣе идти не куда“, замѣчаетъ по поводу этого газета „Свѣтъ“¹⁾, „потому что при ускоренномъ темпѣ охватившаго нынѣ всѣхъ бѣснованія и не придумаешь, до чего дойти можно... Евреи никакой ни для кого свободы не желаютъ, кромѣ какъ для себя. А ихъ свобода—это подчиненіе еврейству христіанства. Еврейскія права еще не расширены, а они дѣлаютъ попытки изгнать Господа Христа и обученіе закону Его изъ русской школы“.

¹⁾ № 86, 1905 г.

„Что же будетъ, когда они станутъ полноправны съ коренными русскими людьми, да еще при наличности среди нашей „интеллигенціи“ всякой тли, безумно подыгрывающей евреямъ?“

„Такія постановленія, справедливо заключаетъ „Свѣтъ“, какъ екатеринославское, должны быть нашимъ учеб-

нымъ вѣдомствомъ разбираемы, поясняемы и осуждаемы во всеобщее свѣдѣніе, чтобы другимъ не повадно было, когда люди собираются для важнѣйшаго дѣла, постановлять возмущающія душу, кощунственныя, развратныя резолюціи“.

Ред.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина 1).

16 Апрѣля. Святая и Великая Пятница.

Не зрю предъ очами я грозной Гавваѣи,

Забыль скорбный путь я Страдальца Хріста:

Я — грѣшный — сталъ другомъ того Каиафы,

Который ругался предъ жертвой Креста.

И символы тяжкихъ великихъ страданий,

Которыя Богъ нашъ за насъ перенесъ,
Во мнѣ ужъ не будятъ горячихъ рыдавій

И нѣтъ у меня ужъ спасительныхъ слезъ.

Хотя, какъ Иуда, Хрісту поцѣлуя
Въ саду Геосиманіи я не давалъ,

Но словомъ и дѣломъ Его предаю я,
Какъ падшій апостоль Его предавалъ.

Въ дѣяньяхъ порочныхъ предъ Нимъ
я не каюсь,

Въ душѣ моей злоба и зависти смрадъ;
Какъ Петръ, отъ Учителя я отрекаюсь,
Его распинаю, какъ Понтій Пилатъ.

Избавь меня, Боже, изъ тьмы заблужденья!

Изми изъ грѣховныхъ губительныхъ тучъ!

И пусть мнѣ освѣтитъ дорогу спасенья

Твоей святой вѣры живительный лучъ.

Поднебесную всю темнота облегла...

Стонетъ въ ужасѣ вся Палестина:

Земля въ сердце свое, задрожавъ,
приняла

Бездыханнаго Божія Сына.

Тихъ Иосифа садъ. Гробъ молчанье
хранить

Подъ покровомъ таинственной ночи:
Въ немъ Создатель вселенной недвижно
лежить,

Призакрывъ свѣтозарныя очи.

Его мощныя въ словѣ уста запеклись,

Источившія людямъ прощенье;

Съ этихъ устъ животворные токи
лились

Высочайшаго въ мірѣ ученья.

И лежитъ, Проповѣдавшій міру любовь,

На Голгоѣѣ безславно убитый,

Изъ зіяющихъ ранъ Его алая кровь
На гранитныя точится плиты.

Этой кровью Онъ грѣхъ первородный омылъ,

За людей добровольно страдая,

Этой кровью Онъ Небо съ землей
примирилъ

1) Продолженіе. См. съ № 8 по 41.

И цѣною ея людямъ падшимъ от-
Двери новаго вѣчнаго рая.

—
Тридневень воскресль
еси, Адама воздвигъ отъ
гли и упразднивъ смерть.
Пасха нетлѣвнѣя, міру спа-
сеніе.

Ночь. Природа уснула. Вездѣ тишина.
Небо звѣздами яркими блещеть.
Лишь не спить преисподняя толькь
одна.

И за близкую участь трепещеть.
Вдругъ крѣпчайшаго ада колеблется
сводь...

Видить въ ужасѣ Змій-обольстителъ,
Какъ валятся столбы страшныхъ ад-
скихъ воротъ,

И является въ бездну Спаситель.

Вѣковѣчная тьма, ада дѣвственный
мракъ
Божества освѣтились лучами,

И безсильно упаль предъ Мессією
врагъ,

Загремѣвъ въ преисподней цѣпями.
Съ лучезарнымъ Крестомъ Искупителъ
идеть.

Къ заключенному древле народу:
Прародителя смѣло за руку беретъ
И выводитъ его на свободу.

За Мессією узниковъ тьмы потекли,
Словно шумнаго моря потоки,
И оставили адъ всѣ святые земли:
Патріархи, цари и пророки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И пришла бездны власть къ роковому
концу,
Земнороднымъ блеснула отрада:
Они пѣсню хвалы воспѣвають Творцу,
Побѣдителю грознаго ада.

Ужасающій адъ, гдѣ побѣда твоя?!
Смерть великая, гдѣ твое жало?!
Искупителъ воскресъ, и ликуеть
земля,

Время вѣчной свободы настало!

28 Апрель. Школа моя рѣдѣеть день
ото дня; ученики младшаго и средняго
отдѣленій начинаютъ отставать: про-
буждающаяся отъ долгаго зимняго сна
природа такъ и зоветъ маленькихъ
школьниковъ на свое лоно. Всюду чув-
ствуется призывъ къ новой жизни и
новой дѣятельности. Занятія со стар-
шими идутъ дружно.

13 Мая. Сегодня у насъ былъ экза-
менъ. Труды мои вознаградились пол-
нымъ успѣхомъ: испытаніе выдержало
все старшее отдѣленіе, въ которомъ
было 13 человекъ и всѣ они удостоены
полученія льготныхъ свидѣтельствъ.
Слава Тебѣ, Господи!

Вспыхнула зоренька ясная,
Пламенѣя, востокъ загорается,
Вешнее солнышко красное

Изъ-за лѣса встаетъ, улыбается!
Въ лугахъ блещутъ огни серебри-
стые—

Это капли росы изумрудныя,
И пѣвуньи въ кустахъ голосистыя
Пробудившись поютъ пѣсни чудныя.

Учит. Е. Нулиновъ.

ПОСѢВЫ И ВСХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школь).

XLII.

Утобы составить болѣе вѣрное и обстоя-
тельное представленіе объ успѣхахъ
церковно-школьнаго дѣла на св. Руси,—

недостаточно имѣть въ виду двѣ-три
извѣстныхъ школы или школьныхъ уча-
стка. Для этого лучше взять болѣе круп-

ную величину, напр. цѣлую епархію, и на основаніи положенія въ ней школьнаго дѣла судить о его успѣхахъ. Епархіальные отчеты даютъ достаточно матеріала для изученія церковно-школьной жизни по епархіямъ, какъ въ нравственно-воспитательномъ отношеніи, такъ и въ дидактическомъ. Имѣя въ виду болѣе—первое, какъ болѣе важное для цѣлей нашего журнала, мы пришли къ мысли предлагать по временамъ, на основаніи епархіальныхъ отчетовъ, сжатые очерки нравственно-воспитательнаго состоянія школъ каждой въ отдѣльности епархіи. Вотъ для перваго примѣра какъ обстоитъ это дѣло въ *Старопольской* епархіи, съ ея 450 школами.

Преподаваніе *Закона Божія* въ одноклассныхъ школахъ у наиболѣе опытныхъ преподавателей велось приблизительно по слѣдующему плану. Прежде всего опытный законоучитель посредствомъ бесѣды съ вновь поступившими учениками старался опредѣлить, какія религіозныя воззрѣнія вынесены ими изъ семьи, какія свѣдѣнія получили они дома, чтобы знать, съ какими предрасудками, ошибками, а подчасъ и ересями ему придется считаться при преподаваніи. Получивши эти предварительныя свѣдѣнія, законоучитель приступалъ сообразно съ этимъ къ предварительнымъ бесѣдамъ съ дѣтьми (1-й годъ обученія) О Богѣ единомъ, какъ о Творцѣ и Промыслителѣ міра, вездѣсущемъ, вѣчномъ, о Троичности Лиць, о необходимости поклоненія Ему, о молитвѣ, о крестномъ знаменіи и вообще о внѣшнихъ знакахъ при молитвѣ, о молитвѣ предъ иконой, при чемъ выяснялось, что такое икона, о молитвѣ домашней и общественной, о времени и мѣстѣ молитвъ и раздѣленіи ихъ по содержанію; о вѣрѣ хрістіанской, православной. Только послѣ того, какъ законоучитель убѣждался, что цѣль этихъ бесѣдъ—исправленіе неправильныхъ и смутныхъ понятій, вынесенныхъ изъ семьи, достигнута, дѣлался переходъ къ изученію

текста молитвъ, указанныхъ въ программѣ, начиная съ болѣе легкихъ и кончая болѣе трудными. При этомъ опытный законоучитель всегда предпосылалъ изученію молитвы хотя краткую бесѣду о ней, выясняя дѣтямъ, кому и о чемъ мы молимся въ ней, при чемъ изъ этой бесѣды какъ бы выливался русскій текстъ молитвы, который потомъ замѣнялся славянскими выраженіями. Были и такіе о.о. законоучители, которые заучивали съ дѣтьми сперва славянскій текстъ молитвы, а потомъ уже переводили послѣдній на русскій языкъ. По окончаніи изученія молитвъ, приблизительно въ концѣ января или началѣ февраля, изученіе Закона Божія разнообразится у о.о. законоучителей: нѣкоторые приступаютъ къ изученію краткой исторіи Ветхаго Завѣта, начиная съ сотворенія міра, и переходя отъ обѣтованія о Спасителѣ къ событіямъ изъ новозавѣтной исторіи, каковы: рожденіе, введеніе и благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы Маріи, рождество Иисуса Христа и т. д. въ порядкѣ двенадцатыхъ праздниковъ (по картинамъ Сидорскаго); иные же изъ законоучителей послѣ изученія молитвъ приступали къ изученію текста заповѣдей и Символа вѣры. Есть, наконецъ, законоучители, которые ведутъ изученіе молитвъ въ непосредственной связи съ краткими свѣдѣніями изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта.

Во 2-мъ отдѣленіи приступали къ изученію священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. Затѣмъ изучались заповѣди Господни, заповѣди блаженства и Символь вѣры и болѣе трудныя молитвы съ доступными для дѣтскаго пониманія объясненіями.

На 3-мъ году изучали подробно катихизисъ, т. е. Символь вѣры, молитву Господню и заповѣди, и заканчивали изученіемъ богослуженія православной Церкви. При этомъ нужно сказать, что нѣкоторые о.о. законоучители стремились придать сво-

ему преподаванію практической характеръ, съ каковою цѣлью обращали серьезное вниманіе на борьбу съ распространенными въ приходѣ суевѣрїями. Если же школа находилась въ приходѣ, зараженномъ расколомъ или сектантствомъ, то законоучитель на своихъ урокахъ съ особенною настойчивостью старался раскрывать дѣтямъ положительное ученіе православной Церкви въ противовѣсъ раскольническимъ и сектантскимъ недѣлостямъ и бреднямъ, не вдаваясь въ то же время ни въ какую ненужную критику или полемику.

Такимъ образомъ занятія съ дѣтьми по Закону Божію были въ то же время средствомъ воспитательнаго воздѣйствія на душу и сердце дѣтей. Это—первая и самая главная почти всѣхъ о.о. законоучителей и завѣдующихъ церковными школами задача, и на выполненіе ея направлена вся ихъ забота, все ихъ стараніе.

Церковное пѣніе преподается во всѣхъ однокласныхъ школахъ, причемъ дѣти научаются пѣть съ голоса общеупотребительныя молитвы и нѣкоторыя пѣснопѣнія литургій, вечерни, утрени, а также гимны и дѣтскія пѣсенки. Немногіе изъ учителей достигли того, что дѣти поютъ всѣ службы церковныя и ознакомлены съ нотой. Изъ дѣтей такихъ школъ образуются церковныя хоры, съ участіемъ и взрослыхъ любителей пѣнія. Въ нѣкоторыхъ школахъ дѣти поютъ весьма хорошо и много. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ школа при епархіальномъ свѣтцномъ заводѣ, гдѣ съ особенною любовью и усердіемъ занимается извѣстный въ Ставрополѣ любитель пѣнія офицеръ мѣстнаго баталіона—И. Н. Лукашевичъ, который не только самъ не получаетъ никакого вознагражденія, но еще заботится о такомъ или иномъ поощреніи дѣтей-учениковъ, поющихъ подъ его управленіемъ, въ мѣстной военной церкви.

Успѣхи учащихся *по славянскому языку* во всѣхъ школахъ оказались вполнѣ удов-

летворительными. Изученіе славянскаго языка имѣетъ практическое примѣненіе. Обыкновенно школьники и школьницы старшихъ отдѣленій допускаются на клиросъ въ церкви для чтенія при богослуженіяхъ. Это обстоятельство имѣетъ очень важное вліяніе на обученіе дѣтей славянскому чтенію. Дѣти съ особеннымъ усиліемъ домогаются чести читать въ церкви, и сами родители поощряютъ ихъ въ этомъ домогательствѣ, видя въ этомъ чтеніи дѣтей явное доказательство успѣховъ ихъ обученія. О.о. завѣдующіе и учителя пользуются этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы привлечь вниманіе общества къ церковнымъ школамъ и расположить его къ поддержкѣ этихъ школъ и къ удовлетворенію ихъ нуждъ.

Учащіеся во все время пребыванія въ школѣ находились подъ наблюденіемъ и руководствомъ учащихся, которые, оставивъ ихъ отъ дурныхъ поступковъ, грубыхъ шалостей, дерзкихъ и гнилыхъ словъ, борьбы, изобличая проявленія обмана и лжи, всемѣрно старались ослабить эти дурныя привычки и приучить ихъ къ вѣжливости, чистотѣ и опрятности, любви къ труду и порядку, къ честности и покорности. Все это требовало большихъ усилій со стороны учащихся. Дѣти изъ грубой крестьянской среды очень часто поступаютъ въ школу съ такими навыками и наклонностями, которые въ школѣ нетерпимы и искоренить или ослабить ихъ весьма не легко. И къ чести большинства учащихся слѣдуетъ сказать, что они не жалѣли своихъ трудовъ на пользу воспитанія ввѣренныхъ имъ дѣтей и достигли въ этомъ отношеніи наилучшихъ результатовъ. Водвореніе и поддержаніе въ школѣ добрыхъ порядковъ, проникнутыхъ чувствомъ любви и расположенія къ дѣтямъ и направленныхъ къ развитію въ учащихся уваженія и довѣрія къ своимъ наставникамъ, составляли одну изъ главныхъ задачъ всѣхъ руководителей и учащихся въ

школъ. Благихъ результатовъ въ этомъ отношеніи они достигли главнымъ образомъ мѣрами нравственнаго воздѣйствія на учащихся путемъ наставленій, совѣтовъ, вразумленій, одобреній, поощренія и порицанія. За истекшій учебный годъ уѣздные наблюдатели не сообщаютъ въ своихъ отчетахъ ни одного случая удаленія учениковъ изъ школы за худое поведеніе, вредно отзывавшееся на всемъ стрѣ школьной жизни.

Народныя чтенія. Воспитывая и обучая дѣтей, церковная школа не оставляла своимъ вниманіемъ и взрослому населенію. Чтобы сблизить населеніе съ школой, укрѣпить въ глазахъ его авторитетъ школы съ одной стороны, а съ другой—чтобы дать разумное развлеченіе народу и тѣмъ отвлечь его отъ „улицы“ и уличныхъ развлеченій, нерѣдко сопровождаемыхъ пьянствомъ, — при большинствѣ церковныхъ школъ устраивались въ отчетномъ году народныя чтенія. Предметомъ чтеній было разъясненіе и укрѣпленіе въ сердцахъ слушателей вѣро-нравоучительныхъ истинъ. Да это и понятно, такъ какъ народъ любитъ послушать чтенія „отъ Божественнаго“. Но нужно сказать, что чтенія не ограничивались и не специализировались статьями религіозно-нравственнаго содержанія, а сюда же входили статьи изъ житій святыхъ, изъ исторіи Церкви и государства, изъ быта крестьянъ, статьи литературнаго характера и т. п. Матеріалъ для чтеній черпался изъ книгъ, имѣющихся въ бібліотекахъ церковныхъ и школьныхъ, и періодическихъ журналовъ: „Воскресное Членіе“, „Русскій Паломникъ“, „Кормчій“, „Отдыхъ Хрістіанина“, „Воскресный День“, „Пастырскій Собесѣдникъ“, „Миссіонерское Обзорніе“, приложеній къ „Народному Образованію“, а также изъ книгъ Дьяченко. Чтенія всегда начинались, сопровождались и оканчивались пѣніемъ или всѣхъ присутствующихъ или отдѣльнаго хора изъ учащихся — молитвъ, праздничныхъ

тропарей, а иногда и гимновъ. По словамъ одного завѣдующаго, чтенія охотно посѣщаются взрослымъ населеніемъ, а тамъ, гдѣ таковыя ведутся регулярно, стали уже потребностью населенія. „Населеніе уже сознательно находитъ въ чтеніяхъ удовлетвореніе запросамъ своего ума и сердца, а потому чтенія стали для него потребностью. Завѣдующему приходится прилагать уже всѣ усилія къ тому, чтобы чтенія производились непремѣнно въ каждый воскресный и праздничный день, такъ какъ въ дни, когда почему-либо не бываетъ чтенія, большая толпа любителей, явившаяся въ школу, высказываетъ сожалѣніе о томъ, что чтеніе не состоялось“. Несомнѣнно,—добавляетъ о. уѣздный наблюдатель,—что при подобной постановкѣ чтеній, возвышается авторитетъ какъ школьныхъ дѣятелей, такъ и самой школы: въ первыхъ населеніе видитъ своихъ просвѣтителей и выражаетъ имъ знаки почтенія, уваженія и вниманія, къ школъ является довѣріе и сочувствіе и оно на перебой слѣдуетъ отдать дѣтей своихъ въ такую школу“.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій съ Японіей, у прихожанъ было замѣтно желаніе узнать, кто такіе наши враги, гдѣ происходитъ война и т. п. Удовлетворенію этой любознательности служили слѣдующія чтенія: „о Красномъ Крестѣ“—учрежденіе, цѣль и задачи этого общества; „Корея“— очеркъ страны и быта жителей; „Японія“— описаніе страны и жителей. Читалось также описаніе сраженія „Варяга“ и „Корейца“ съ японскимъ флотомъ. Наконецъ, въ виду того, что простой народъ, не получая періодическихъ изданій, не менѣе интеллигентныхъ лицъ интересуется ходомъ военныхъ событій, школа приходила ему на помощь въ этомъ случаѣ такимъ образомъ: по соглашенію священника съ учителемъ школы, послѣдній прочитываетъ народу съ школьнаго крыльца правительственныя извѣстія о войнѣ, и это дѣлается каждый

праздникъ, тотчасъ по выходѣ отъ обѣдни. Благодарности прихожанъ за это нововведеніе нѣтъ конца; на чтеніяхъ присутствуютъ всѣ, кто бываетъ въ храмѣ.

Болѣе успѣшно вели дѣло учительницы, окончившія курсъ епархіального женскаго училища или другія женскія среднія учебныя заведенія, и многіе способные и весьма преданные дѣлу учителя — практики, учительствующіе по большей части по призванію. *Въ общемъ учительницы лучше учителей.* Но по адресу первыхъ нерѣдко слышится упрекъ, что онѣ не могутъ или не желаютъ управлять хорами въ церкви, хотя теперь многія изъ нихъ знаютъ церковное пѣніе и обучаютъ ему дѣтей въ школахъ. И въ этомъ есть доля правды. Что же касается отношенія крестьянъ къ учительницамъ, то оно во многихъ мѣстахъ, если уже не во всѣхъ, измѣняется къ лучшему.

Особыхъ руководѣльных классовъ и уроковъ технического рисованія въ школахъ Ставропольской епархіи не было. Правда, при нѣкоторыхъ женскихъ школахъ велись занятія по руководѣлію, для чего удѣлялось 2—3 часовыхъ урока въ недѣлю, но постановка этого предмета въ большинствѣ случаевъ самая примитивная. Зависитъ это главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: неимѣнія средствъ на приобрѣтеніе матеріала и швейныхъ машинъ и отсутствія лицъ, которыя могли бы вести это дѣло. Тамъ, гдѣ велись занятія по руководѣлію, дѣло ограничивалось тѣмъ, что дѣти научались вязанью кружевъ, чулокъ, вышиванью въ крестъ и выдѣлкѣ искусственныхъ цвѣтовъ.

Одноклассныхъ школъ съ ремесленными отдѣленіями въ епархіи три: 1) при Убѣжищѣ Андреевско-Владимірскаго Братства въ г. Ставрополѣ; 2) Безопасненская школа пряденія и ткачества и 3) Безопасненская мужская сапожно-башмачная и столярно-токарнаго ремесла. Ткацкое отдѣленіе Безопасненской школы помѣщается въ осо-

бомъ зданіи, о пяти комнатахъ. Въ немъ помѣщаются 19 станковъ, на которыхъ обучаются ткацкому и ковровому ремеслу. Учительницей состоитъ дочь священника Невтонова, получившая профессиональное образованіе въ С.-Петербургскомъ Маріинскомъ училищѣ кружевницъ, съ правомъ на открытіе школы ткачества. Учащихся въ ткацкомъ отдѣленіи 16 дѣвочекъ. Обучаются ткацкому и ковровому мастерству, пряденію и сученію нитокъ и шерсти, и съемкѣ и рисованію ковровыхъ образцовъ. Ткацкое отдѣленіе имѣетъ хорошій успѣхъ. Населеніе заинтересовано этимъ отдѣленіемъ. Въ отчетномъ году въ ткацкомъ отдѣленіи сработано всего 362 арш. 8 вершк. на сумму 64 руб. 88 коп. Тамъ же сработано: 1) ковровъ, ковровыхъ подушекъ изъ школьнаго матеріала на 50 руб. и три ковра еще въ работѣ, цѣнность ихъ не опредѣлена. Кромѣ того сработано три ковра по заказу частныхъ лицъ, изъ матеріала заказчиковъ, величиною въ 9 и 14 арш. въ квадратѣ. Всего ковровъ сработано 54 кв. арш. Выручено отъ продажи ихъ 60 рублей.

Въ отчетномъ году 8 мая ткацкое отдѣленіе Безопасненской школы посѣтилъ Г. Ставропольскій Губернаторъ. Производствомъ работъ остался очень доволенъ.

Правильно организованныя занятія по *сельскому хозяйству* велись только въ школахъ станицы Казанской, которая располагаетъ участкомъ земли въ 150 десятинъ, домомъ на немъ о трехъ комнатахъ съ кладовой и нѣкоторыми надворными постройками. Преподавателемъ состоитъ учитель Герасимовъ, окончившій курсъ средняго сельско-хозяйственнаго училища въ г. Херсонѣ съ званіемъ ученаго агронома.

Въ Новогригорьевской школахъ практическія занятія по сельскому хозяйству велись въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Учениками вскопанъ и засаженъ овощами небольшой огородъ, находящійся на школьномъ дворѣ; посѣяно до 250 шт. разныхъ

фруктовыхъ деревьевъ, да произведена часть земляныхъ работъ въ школьномъ виноградникѣ.

Занятія ремеслами велись довольно успѣшно при Казанской второклассной школѣ, гдѣ существуетъ кузнечная, слесарная и столярная мастерскія. Каждую мастерскою завѣдуетъ отдѣльный мастеръ съ помощникомъ. Для занятій въ мастерскихъ (2¹/₂—5 ч. вечера) ученики раздѣлены были на группы: ежедневно одна группа работала въ столярной, другая въ слесарной, третья въ кузнечной. Каждый ученикъ изучалъ только одно ремесло по своему желанію.

При Новогригорьевской второклассной школѣ имѣются мастерскія: кузнечно-слесарная, столярно-токарная и переплетная. Наилучшіе результаты достигнуты кузнечно-слесарною мастерскою, за издѣлія которой, представленныя въ 1903 году въ С.-Петербургѣ на международную научно-промышленную выставку „Дѣтскій Міръ“, Новогригорьевской второклассной школѣ

присуждена бронзовая медаль. Вполнѣ удовлетворительные результаты достигнуты и столярно-токарною и переплетною мастерскими.

При Иоанно-Маріинской школѣ очень серьезно поставлено обученіе рукодѣлію. Дѣвочки научаются кройкѣ, шитью и изящнымъ работамъ. Въ дальнѣйшемъ вполнѣ возможно открытіе при школѣ мастерской по изготовленію дамскихъ костюмовъ или изящнаго шитья.

Изъ представленнаго очерка видно, что большинство отрадныхъ явленій, отмѣчавшихся нами въ разное время въ разныхъ школахъ разныхъ епархій, имѣются на лицо между прочимъ и въ данной Ставропольской епархіи. Это показываетъ, что упомянутыя отрадныя стороны церковно-школьной жизни стали, можно сказать, общими явленіемъ въ нашихъ школахъ и не могутъ не вызывать чувства радости, удовлетворенія и свѣтлыхъ надеждъ для всякаго истинно-русскаго и православно-вѣрующаго человѣка.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Тихо стонетъ родная земля, стонетъ жалобно, опозоренная своими же сынами... И всѣ, кто способенъ болѣть душой за родную землю, въ эти дни не можетъ не тревожиться уже за самое будущее Россіи, за всѣ страданія, которыя грозятъ намъ, если до конца ослабѣютъ для дѣйствій среди всенародной жизни тѣ высокіе принципы, которые, при дѣятельномъ, цѣлесообразномъ напряженіи ихъ, способны поднимать народную преданность и національный героизмъ до величайшаго воодушевленія¹⁾. И чѣмъ болѣе прислушиваешься къ различнымъ органамъ печати, нестройными крикливыми голосами призывающей не только взрослыхъ, но и подростящее поколѣніе, и послѣднее по преимуществу, къ освобожденію отъ сдерживающихъ и обла-

гораживающихъ началъ вѣры и нравственности, тѣмъ болѣе растетъ эта тревога и опасеніе...

Но когда отрываешься отъ столичнаго шума, отъ всѣхъ разнохарактерныхъ несдержанныхъ толковъ печати и погружаешься въ тишину сельской жизни, то съ любовью отдыхаешь и успокоиваешься при видѣ честныхъ гражданъ, готовыхъ до смерти отстаивать свои религіозныя и гражданскія и старинно-культурныя начала русскаго бытія, а вмѣстѣ съ ними и въ нихъ свою свободу отъ ига тлетворныхъ духовныхъ плѣненій...

Какъ то недавно одинъ незамѣтный протестъ поселянинъ, какихъ миллионы на святой Руси, обратился въ нашу редакцію съ просьбой дать ему почитать книжку получше. Какую-же тебѣ?—спросили его...

Да поназидательнѣе чтонибудь... У меня дѣтки есть... Такъ дайте чтонибудь, чтобъ и ихъ назидать можно было...

1) Эти страхи не безъ основанія западаютъ въ душу честныхъ русскихъ людей. См., напримѣръ, объ этомъ рядъ статей въ еженедѣльной газетѣ „Москва“.

Оказалось, что у нежданнаго собесѣдника, между прочимъ, два сына солдата... Вспомнивъ про нихъ, поселянинъ прибавилъ:—вотъ солдатиковъ-то я самъ учу уму разуму, да можетъ быть у васъ есть и для малышей что нибудь.

— А какъ-же ты ихъ учишь-то—полюбопытствовали у рослага бородача.

— Да стихами больше... занимаюсь угольнымъ промысломъ. Вотъ поѣду въ лѣсъ для выжиганія угля и по цѣлымъ недѣлямъ сижу тамъ въ маленькой избушечкѣ, да присматриваю за углемъ. Дѣлать-то мнѣ нечего, ну я и пишу сыновьямъ-то письма и все больше стихами—закончилъ простецъ самоучка-стихотворецъ...

— Ты бы показалъ свои стихи-то—поинтересовались его произведеніями.

— Такъ что же принесу, коль угодно вамъ...

И скоро онъ дѣйствительно принесъ нѣсколько стихотвореній, среди которыхъ небезинтересно одно письмо къ сыну-солдату, написанное имъ къ празднику Рождества Христова. И вотъ что пишетъ онъ въ немъ. Приводимъ цѣликомъ это простое, чисторусское, наставленіе отца къ сыну, написанное старорусскимъ былиннымъ стихомъ.

Христочъ рождается: славите!

Письмо писать я начинаю

Бога въ помощь призываю:

Подай, Боже, вразумленье

Писать сыну наставленье!...

Слушай, сынъ мой дорогой,—

Говорю какъ бы съ тобой:

Поздравляю съ торжествомъ

Со Христовымъ Рождествомъ!

Подражай, сынъ мой, волхвамъ,

Виѳлеемскимъ пастухамъ,—

Рождшемуся поклонись

И духовно веселись!

Ну такъ слушай, молодець,

Что тебѣ пишетъ отецъ—

Мое слово понимай

И съ любовью исполняй:

Вставъ поутру, не лѣнись,

За Царя Богу молись,

За весь Царствующій Домъ,

За начальниковъ потомъ!..

Твой отецъ и мать твоя

Молятъ Бога за тебя;

Ты и самъ моли Творца,

Чтобъ быть храбрымъ до конца.

Царю вѣрно послужи

И начальство всё люби;

Ихъ всегда ты уважай

И солдатъ не обижай:

Считай каждого солдата

За родного тебѣ брата.

Исполняй завѣтъ отца—

Будешь счастливъ до конца!

Поступай, какъ честный воинъ,

И всегда будешь спокоенъ.

Не будь, сынъ мой, лицебромъ,

Будь вездѣ ты самъ примбромъ,

И за это твой Хранитель

Ангель будетъ покровитель.

Слушай, сынъ мой молодець,

Не испортишь подъ конецъ:

Чаще Бога поминай

И на помощь призывай!..

И мы будемъ здѣсь молить,

Чтобъ тебѣ здоровымъ быть.

А какъ намъ, твоей семьѣ,

Любо слышать о тебѣ!

Твой товарищъ у насъ былъ—

О тебѣ всё говорилъ.

И какъ я, отецъ твой, радъ,

Что ты храбрый сталъ солдатъ.

Вотъ и Богъ благословилъ—

Ты и чинъ ужъ получилъ!..

Слушай, сынъ мой дорогой,

Говорю какъ бы съ тобой:

Не начало прославляетъ,

А конецъ всё завершаетъ:

Знай начало и конецъ,

Тогда будешь молодець!..

Извини меня, сынокъ,

Помяну еще разокъ:

Всё начальство почитай,

А меньшихъ не обижай.

Слушай, сынъ мой Алексѣй,

Ты вина много не пей!..

Скажемъ,— что же за бѣда

Чарку выпить иногда,

А особенно въ вашъ праздникъ

За здоровіе Царя?!

Какъ пишу—такъ должно быть:

Царю надо послужить,

А за заслугу твою

Ты получишь похвалу...

А при этомъ наставленьи

Шлемъ тебѣ благословенье.

Вамъ всѣмъ здравія желаемъ

И поклонъ свой посылаемъ...

Я стихи писать кончаю

И ни чѣмъ не заключаю;

Я прошу только тебя,

Вспоминай ты про отца.

Ну, прощай сынокъ ты мой,

Милость Божія съ тобой!

Тебя родитель вспоминаетъ,

Въ жизни лучшаго желаетъ,

Потомъ отъ сына Алексѣя

Ждетъ отвѣта поскорѣе...

Читаешь эти стихи поселенина 1), живущаго въ тихомъ уголкѣ Владимірской губерніи, въ деревни Шильцахъ, и невольно вспоминаешь задушевный русскій былинный стихъ, въ которомъ вырисовывается весь обликъ души нашего русскаго народа... И не нужно излишнихъ поясненій, чтобы видѣть, какого характера этотъ обликъ: здѣсь въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ всюду выдвигаются на первый планъ требованія нравственности и честнаго служебнаго долга... Выясняя духовный обликъ нашего поселенина, эти стихи ясно намѣчаютъ и ту программу воспитанія, которую, вѣримъ, предначертали бы руководителямъ дѣтей миллионы православно-русскихъ гражданъ... Жаль только, что наша періодическая печать мало прислушивается къ этимъ голосамъ, рѣшая по-своему всѣ насущные вопросы и нужды нашего народа, и что сторонники крайнихъ взглядовъ уже слишкомъ безцеремонно преподносятъ нашему „невѣжественному“, какъ ошибочно думаютъ они, народу свою собственную глупость, свое всеотрицаніе сдерживающихъ ихъ развинченныхъ нагугры авторитетовъ... Но сколько бы не зывали непризванные вожди народа къ освобожденію нашего школьнаго обученія отъ воспитывающихъ

элементовъ, нашъ народъ не пойдетъ на сдѣлку съ ними... Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать справедливости тѣхъ настойчивыхъ пожеланій благомыслящихъ людей, которые указываютъ на необходимость воспитанія въ дѣтяхъ началъ вѣры и патріотизма. „Верховодство общественной жизни, справедливо замѣчается по этому поводу въ газетѣ „Москва“ 1), все болѣе захватываетъ безпутная, праздная вольница, бесплодно мятущаяся около проsvѣщенія и культуры; вся Россія засыпана воровскими грамотами, призывающими терзать и мучить родину, злыми навѣтами низкихъ измѣнниковъ, за иноземные сребренники продавшихъ свою тряпичную совѣсть въ услугу нашимъ вѣковымъ врагамъ, жаждающимъ навсегда погубить Русскую Землю...

„Ни въ мірѣ, ни въ жизни нѣтъ случайностей; то, что обычно называется случаемъ, есть только неразгаданное присутствіе какой-либо таящейся совокупности причинъ. Основною причиною нынѣшняго безумствованія, благодаря которому всѣ благородныя движенія правительства къ усовершенствованію государственнаго строя на благо земли встрѣчаютъ одно только упрямо-злое противодѣйствіе, является слишкомъ малое развитіе у насъ *патріотическаго и нравственнаго воспитанія*.

„Въ сложной системѣ государственнаго дѣланія едва ли не на первомъ мѣстѣ должно стоять широкое воспитаніе; школьное—юношества и внѣшкольное—народа.

Народное сознаніе должно расти при всестороннемъ вліяніи стройно поставленной государствомъ системы, воспитывающей народныя массы въ безусловномъ подчиненіи Закону, въ сознательно благоговѣйномъ уваженіи къ нему, въ чуткомъ отношеніи къ первенствующимъ гражданскимъ обязанностямъ, и всю совѣсть, вѣру, всѣ лучшія чувства народа подымающей, одушевленно и разумно, къ любовной охранѣ Царя и Царства. Весь порядокъ народнаго воспитанія—образовательного, въ чистомъ русскомъ духѣ, поставленныя народныя газеты, бесѣды и чтенія при церковныхъ каѳедрахъ и школахъ, широко развитая народная литература—конечно, прежде всего долженъ быть проникнутъ *живымъ духомъ и возлюбленною идеей*, чтобы не

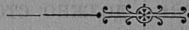
1) А. Гавриловъ.

1) № 6, 1905 г.

переродиться въ пустую, безжизненную и холодную формальность, только отпугивающую народное влеченіе къ образованію.

„Система воспитанія юношества должна быть строго-классической, конечно, не въ смыслѣ ошеломляющаго изученія грамматической структуры мертвыхъ языковъ, но въ смыслѣ пониманія *вѣчножизненнаго*.. Великіе образцы гражданской и лично-человѣческой доблести на всемъ протяженіи всенародныхъ долгихъ вѣковъ, обаятельные моменты исторіи, высшіе мотивы мысли и сердца во всемірной философіи и искусствѣ, святія глубины вѣры, — все, что составляетъ классически-законченное выраженіе высшихъ сторонъ человѣческаго духа, должно, сочетаясь въ стройную и одухотворенную картину прекраснаго и радостнаго значенія человѣческой жизни, охватывать молодое воображеніе и мысль, питая, совершенствуя, возводя въ разумъ и силу. Въ то же время изученіе внутренней духовной стороны родной исторіи навсегда запечатлѣтъ въ каждомъ отзывчивомъ и чистомъ юношѣ всѣ тѣ могучія явленія, въ которыхъ родная душа достигала высшихъ, подчасъ предѣльныхъ, точекъ святости, народнаго величія и государственнаго богатства. Въ душѣ юноши создастся наконецъ такое бодрое и стройное нравственное и историческое міросозерцаніе, такое живое, неразрушимое со-

знаніе дѣйствительно высокаго и прекраснаго въ жизни и мысли, что о нихъ безслѣдно разобьется всякое стороннее попользованіе низвести его мысль и любовь до всякихъ низшихъ ограниченныхъ идей какого-либо современнаго „популярнаго“ міросозерцанія. Это и есть та классическая система гражданскаго воспитанія, основаніе которой положилъ Сократъ, совершенствуя въ родномъ юношествѣ—человѣка и гражданина „общества великаго и славнаго по мудрости и силѣ духа“. Безъ широко поставленной системы патріотическаго воспитанія народа и юношества мы и впредь будемъ осуждены на спутанное, малотиичное въ общемъ, движеніе своей культуры, подверженное всякимъ случайностямъ, попрежнему будемъ далеки отъ стройнаго діалектическаго развитія самобытно-національнаго сознанія, опирающагося на могучій, непотрасаемый базисъ истинно-просвѣщенной гражданственности“. А такого именно патріотическаго просвѣщенія жаждетъ и требуетъ нашъ народъ... Пора же, наконецъ, „въ бѣдахъ поискаться и въ чувство и правду приидти“, пора дать народу „ясти“, потому что онъ хочетъ жить по доброй вѣрѣ гражданина старыхъ временъ, который любовь къ вѣрѣ и родинѣ, покорность власти отъ Бога поставленной почитаетъ выше всего...

СОДЕРЖАНІЕ: Жизнь по вѣрѣ, какъ цѣль воспитанія. (Къ вопросу о жизненности преподаванія въ школахъ уроковъ вѣры и нравственности). *Димитрія Введенскаго*.—Русскіе классики, какъ воспитательный матеріалъ для школьнаго и народнаго чтенія. *С. Козубовскаго*.—Курскіе Комбы. *Николая Ник.*—Изъ учительскихъ дневниковъ. Листки изъ дневника учителя-крестьянина. *Учит. Е. Куликова*.—Посѣвы и всходы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).—Нашъ дневникъ.—

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 30-я (семь статей).

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Визанія. Мая 12 дня, 1905 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Вьяльевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

За перемѣну адреса 25 коп.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; выходитъ ежемѣсячно.

АДРЕСЪ: Сергіевъ садъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“.